

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-324-4-14

УДК 81-11

КАВЫЧКИ ПРИ КЛИШЕ КАК ЗНАК КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Проблема точного понимания адресантом содержания высказывания, потенциально обладающего коннотацией, является общей и для устной, и для письменной речи. В последнем случае на восприятие интенции адресанта могут оказывать влияние употребленные им знаки препинания. Среди них особое место принадлежит кавычкам. С одной стороны, они традиционно обрамляют фрагменты из т.н. чужих слов (цитат и т.п.), с другой – способны зрительно передавать оценку автором мнений и суждений других коммуникантов, позиции которых не разделяют. Однако в некоторых случаях два эти приема невозможно четко разграничить: они способны выступать и в двуединстве.

Цель исследования – определение семантики и коннотации такого знака препинания, как кавычки, в политическом дискурсе.

Методы исследования традиционные: семантико-стилистический, контекстный, дискурсивный.

Результаты исследования. Использование кавычек довольно частотно в разножанровых текстах политической тематики, обычно преследующих манипулятивные цели. Их авторы (реальные либо номинальные) утверждают собственные – или принятые в качестве таковых – точки зрения, как правило, путем отвержения всех прочих, и внедряют в общественное сознание информацию, предлагаемую в статусе истинной. Будучи интенсивно и широко тиражируемой, она и принимается массами, обычно не подвергаясь осмыслению.

Одним из клише, распространенных в российском политическом дискурсе, выступает словосочетание *враг народа*. Оно обладает семантикой и коннотацией, чрезвычайно выигрышными для пропагандистских целей, так как влекомый им шлейф ассоциаций неразрывно связан с полумифическими представлениями о советском периоде отечественной истории лишь как о времени поголовных незаконных репрессий. Небезынтересны в связи с этим, по крайней мере, два обстоятельства: преувеличение масштабов карательных мероприятий того времени и постоянное упоминание их невинных жертв. Между тем известно, в частности, что фигурирующее в Конституции СССР 1936 г. словосочетание *враги народа* обозначает вовсе не идейных противников власти (инакомыслящих), но расхитителей социалистической собственности (воров).

Выводы. Кавычки, употребляемые сегодняшними речедателями при этом словосочетании, далеко не всегда обеспечивают точное и недвусмысленное понимание адресатом предполагаемой оценочности высказывания.

Ключевые слова: *знаки препинания, кавычки, интенция адресанта, коннотация, оценочность высказывания, враг народа, манипулятивные приемы, клише пропаганды, политический дискурс.*

Постановка проблемы. Проблема точного понимания смысла высказывания является на протяжении длительного времени одной из ключевых для ряда гуманитарных наук. Известны категоричные суждения по этому поводу ряда выдающихся специалистов, полностью исключая возможность

совершенно адекватного восприятия содержания любого речевого акта даже коммуникантами – носителями одного и того же национального языка (см. труды А.А. Потебни, Ю.М. Лотмана и др.). Подобное имеет место и в устной речи, особенно монологической, когда для адресата ситуативно исключена возможность с помощью вопросов прояснить интенцию адресанта. Но в еще большей степени это присуще письменной сфере общения, что предопределяется самой константной природой текста, обеспеченной его графической фиксацией. Конечно, за читателем остается его «неотъемлемое право» (М.М. Бахтин) на интерпретацию, комментирование и сопереживание, однако он естественно лишен какой-либо возможности вторгнуться непосредственно в ткань текста своими вопросами, репликами и прочими реакциями.

Такое закономерное ограничение потенций потребителя текста действует по отношению к произведениям самой разной жанрово-стилевой принадлежности, в частности, к тем, чье авторство номинально закреплено за речедателями, слова которых «отливаются в граните» (Д.А. Медведев). Причем продленное бытование за счет включения в активный социокультурный оборот обычно предопределяет статус выступлений (или их фрагментов) как высокопрецедентных, а следовательно, способных оказывать то или иное воздействие на общественное сознание.

Цель исследования – определение семантики и коннотации такого знака препинания, как кавычки, в политическом дискурсе.

Несомненно, что главенствующее влияние на читателя производят лексико-фразеологические единицы, присутствующие в тексте, их семантика и коннотации. Однако нередко и другие элементы текстового оформления активно участвуют в организации восприятия содержания. Это относится и к знакам препинания.

Методы исследования традиционные: семантико-стилистический, контекстный, дискурсивный.

Обзор литературы. Например, широко известна фраза, обобщающая впечатление рассказчика от пугачевского мятежа и его последствий: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»¹. Эта характеристика часто фигурирует сегодня в публичных выступлениях. Впрочем, интенциональный акцент данной фразы отнюдь не обязательно приходится на квалификацию именно русского бунта, якобы не могущего быть иным, нежели бессмысленным и беспощадным. «К запятым Пушкин питал явную неприязнь. В прижизненных публикациях частенько запятых либо вовсе нет, либо их слишком много. “Не приведи Бог видеть русский бунт бессмысленный и беспощадный!” – до сих пор эти слова толкуют по-разному, а смысл их может определяться знаками препинания. Это <...> может быть оборот “второй винительный”, который следует перевести так: “видеть бунт бессмысленным и беспощадным” (а может быть, и не таким)» [Колесов, 1999, с. 67].

¹ Пушкин 1978. Т. VI. С. 349.

В не менее значимой роли выступают и кавычки. Их определяют как «парный знак препинания, употребляющийся для выделения в тексте прямой речи, цитат, заглавий, а также слов, употребленных в условном, несобственном смысле» [Ахманова, 1966, с. 187]. Практика использования кавычек постоянно привлекает внимание исследователей (см. например, [Гашева, Хакимова, 2014; [Литовская, 2012; Широкова, 2015; Василенко, 2016] и др.). При этом, исходя из результатов анализа рассматриваемого фактического материала, авторы ряда публикаций нередко пытаются обнаружить у кавычек какие-то ранее неизвестные функции. Так, у самого слова *кавычки* устанавливают «периферийную сему ‘откровенность’» [Ильина, 2012, с. 140], рассматривают кавычки как «знак чужой смысловой позиции» [Литовская, 2012, с. 92], как маркер «степени дистанцированности от чужой речи» [Широкова, 2015, с. 194], а также «иронии и/или сомнения в истинности того, что обозначено словом или словосочетанием, заключенным в них» [Сковородников, Королькова, 2015, с. 170], «передачи коннотативных смыслов» [Мелехова, Сергиевская, 2020, с. 254] и т.д. Строго говоря, вышеперечисленные функции выступают частными, производными модификациями хрестоматийно известных двух основных. В то же время можно согласиться с тем, что кавычки являются «семантически перегруженным знаком» [Василенко, 2016, с. 195]²; добавим: весьма произвольно перегруженным. Последнее положение приводит зачастую к отсутствию возможности для читателя четко осознать их предназначение в каком-либо конкретном тексте, а вследствие этого – к непониманию подлинной интенции автора (реального или номинального).

Напомним о двух литературных персонажах со сходной мимикой: это «прокурор с <...> несколько подмигивавшим левым глазом так, как будто бы говорил: “пойдем, брат, в другую комнату, там я тебе что-то скажу”», и почтмейстер, который «уснащивал речь тоже довольно удачно подмаргиванием, прищуриванием одного глаза, что все придавало весьма едкое выражение многим его сатирическим намекам»³. Употребление кавычек в некоторых случаях подобно таким невербальным коммуникативным маркерам ложной многозначительности.

Результаты исследования. Рассмотрим в качестве иллюстрации некоторые современные примеры употребления словосочетания *враг народа*. Его сегодняшняя реактуализация, по-видимому, вызвана известными событиями, начавшимися в феврале 2022 г. и обозначившими в российском социуме, в дополнение к уже имевшимся, новую дифференциацию – на сторонников и противников спецоперации. Именно последние, насколько можно судить по публикациям в СМИ, и удостоиваются пейоративного вербального ярлыка (иногда в дополнение к присвоенному официально – *иностранный агент*, или *иноагент*) – вероятно, вполне заслуженно.

² Ср. сверхизбыточность их употребления персонажем фельетона (Зощенко, 1986).

³ Гоголь Н.В. Мертвые души. Кишинев, 1952. С. 13, 148.

Словосочетание *враг народа* было извлечено из пассивного запаса (о чем см. ниже) пропагандистами-манипуляторами и вновь запущено в широкий оборот относительно недавно, во время т.н. судьбоносной перестройки и в преддверии великих реформ. Оно несомненно сыграло в массовом сознании предписанную ему роль – некоего символического жупела для устрашения простых душных за счет негативного коннотативного шлейфа. Будучи тематически привязанным к определенному периоду советской истории, это словосочетание ассоциативно генерировало полумифические представления о т.н. незаконных политических репрессиях, проведенных исключительно Сталиным, и призвано было – наряду с прочими – посеять среди широкой аудитории отторжение и неприятие социалистического общественно-экономического устройства и всего комплекса явлений, хоть сколько-нибудь с ним связанного. Иначе говоря, словосочетание *враг народа* успешно было использовано в функции «носителя скрытой угрозы» [Расторгуев, 2003, с. 243].

Например, в романе когда-то популярного автора сделано 25 (!) аккуратных постраничных примечаний о единообразных судьбах ряда персонажей (в основном чекистов): «Расстрелян как “враг народа” в ...году»⁴. Вероятно, такой прием (наряду с подобными упоминаниями других невинных жертв – Троцкого, Тухачевского, Бухарина и прочих) должен был убедить читателя не только в гигантских масштабах репрессий, но и в отсутствии рациональных оснований для них – за счет последовательной закавыченности словосочетания. Небезынтересно, что в предыдущих изданиях произведения (1974 г. и позднее) этих примечаний не было⁵.

После того как чаемые населением перемены свершились, потребность в тиражировании пропагандистского штампа значительно снизилась.

В постсоветский период словосочетание *враг народа* ритуально обязательно фигурирует как символ мрачного прошлого – обычно в кавычках, поскольку используется в качестве элемента чужой – и чуждой речи. Например: «30 октября – это День памяти о миллионах искалеченных судеб <...>. Клеймо “врагов народа” и их “пособников” легло тогда на целые семьи» (В.В. Путин)⁶. «Миллионы людей объявлялись “врагами народа”, были расстреляны или покалечены, прошли через муки тюрем, лагерей и ссылок» (В.В. Путин)⁷ и т.п.

Новейшая поляризация общественных настроений вызвала к жизни применение словосочетания *враг народа* (которое, казалось бы, прочно перешло в разряд историзмов) по отношению к любым оппонентам недавних радикальных военно-политических мер. В таких инвективах кавычки уже отсутствуют.

⁴ Семенов Ю.С. Бриллианты для диктатуры пролетариата // Бриллианты для диктатуры пролетариата. Репортер. М., 1991. С. 5–300.

⁵ Возможно, здесь отразились и обстоятельства биографии отца Семенова (Ляндреса), и своевременное авторское сопереживание «гласности и перестройке».

⁶ 30.09.2009. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/5682>

⁷ 30.10.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55948>

Ср.: «Есть п р е д а т е л и, которые шепотом произносят националистические лозунги, чтобы никто лишний их случайно не услышал, а есть в р а г и, они несколько не стесняются. С этого дня я предлагаю именовать Максима Галкина [входит в реестр иностранных агентов] не и н о а г е н т о м, а *врагом народа*» [В. Манукян]⁸. «Некоторые люди пишут, что надо выходить против частичной мобилизации <...>. Те, кто будут выходить, они *враги народа*» [Р. Кадыров]⁹ и др. Более того: среди законодателей прозвучало даже предложение вернуть словосочетание *враг народа* в официально-правовой оборот: «Острая необходимость в советском понятии *враг народа*. Враги есть, понятия не существует» (А.В. Гурулев, депутат Госдумы)¹⁰; кажется, эта инициатива не нашла поддержки среди народных избранников. Впрочем, с нею согласны представители широких масс. Так, генеральный директор Большого Московского цирка Э. Запашный предложил ввести вместо «иноагента» термин «враг народа» и наделить его юридическим статусом¹¹.

В то же время некоторые издания, произвольно трактуя выступления должностных лиц, приписывают им то, чего они не произносили. Вот один из примеров подобных интерпретаций (и также без кавычек!): «Песков назвал главных *врагов народа*. Песков назвал *врагами народа* нападающих в публичном пространстве на российских военных. Пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков назвал главными *врагами народа* тех, кто в публичном пространстве нападает на российских военных»¹². Однако в приведенной здесь же цитате из заявления пресс-секретаря говорится буквально следующее: «Вот это в р а г и г о с у д а р с т в а, и с ними мы будем бороться». К подобной подмене прибегают и другие журналисты в статье об обсуждении в Госдуме ужесточения ответственности за нарушение законодательства об и н о а г е н т а х: ее автор, используя кавычки, выступает против расширения «перечня категорий современных “*врагов народа*”» под заголовком: «Реестр “*врагов народа*” расширят задним числом»¹³.

По-видимому, депутат А.В. Гурулев не совсем прав, говоря об отсутствии п о н я т и я ‘враг народа’: это понятие фантомно присутствует в ряде публичных выступлений, реализуясь в вариативных перифразах, смутных ассоциациях и релевантных признаках. Ср.: «*враги государства*» (Д. Песков), по его мнению, это «люди, которые не просто не поняли, не просто испугались, но которые *стали хаять власть*»¹⁴; «*предатели*, которые так ненавидят свою страну <...>, должны рассматриваться как *hostis publicus, враги общества*. Вне зависимости от юридической квалификации их деяний [!]. Как *враги государства, enemy of state*, пользуясь их же любимым а м е р и к а н с к и м эквивалентом» (Д. Медведев)¹⁵

⁸ 06.01.2023. URL: <https://clck.ru/33XVIpv>

⁹ URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/18618151.21.09.2022>

¹⁰ URL: <https://www.trud.ru/article/28.04.2023/1494681>

¹¹ URL: absatr.media/12.07.2023

¹² URL: <https://lenta.ru/news/2022/04/02>

¹³ URL: Независимая газета. 14.09.2022

¹⁴ URL: <https://lenta.ru/news/2022/04/02>

¹⁵ URL: <https://t.me/medvedevtelegram/239>

(заметим, что понятия 'государство', 'общество' и 'народ' семантически не конгруэнтны); «...они будут пытаться делать ставку на т а к н а з ы в а е м у ю п я т у ю к о л о н н у, на национал-предателей, на тех, кто зарабатывает деньги здесь, у нас, а живет там, и "живет" даже не в географическом смысле <...>, а по своим мыслям» (В. Путин)¹⁶ и т.п.

Обращение к советскому законодательству соответствующего периода показывает, что словосочетание *враг народа* не используется, например, в Уголовном кодексе РСФСР (текст на 1 июля 1950 г.). Так, гл. 1 этого кодекса, которая называется «Преступления государственные» и была введена еще в 1927 г., говорит в ч. 1 о контрреволюционных преступлениях. В известной статье 58 виновный в некоторых из таких деяний именуется *врагом трудящихся* (ст. ст. 58², 58⁴, 58⁶)¹⁷, что, в общем, вполне естественно, поскольку каждое суверенное государство должно защищать себя, а, согласно Конституции 1936 г. (ст. 3), «вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся».

Словосочетание *враг народа* употреблено в гл. X Конституции СССР 1936 г. «Основные права и обязанности граждан»: «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются *врагами народа*»¹⁸. Вероятно, высокий пафос приведенных формулировок оправдывается недостаточным в это время уровнем материально-технического развития страны: индустриализация только началась. Обратим внимание на то, что именуемые *врагами народа* – граждане, причастные к имущественным, но отнюдь не к политическим (контрреволюционным) преступлениям. Таким образом, перенос словесного ярлыка на последних мог иметь лишь сугубо пропагандистский характер.

Возвращаясь к назойливо популяризируемому манипулятивному тезису о якобы невинных жертвах политических репрессий, обратимся к некоторым источникам.

Директор ФСБ РФ А.В. Бортников в интервью «Российской газете» 19.12.2017 сказал, в частности, следующее: «Архивные материалы свидетельствуют [1930-х гг.] о наличии объективной стороны в значительной части уголовных дел <...>. Большое количество фигурантов тех дел – это представители партноменклатуры и руководства правоохранительных органов, погрязших в коррупции, чинившие произвол и самосуд <...> ...Справка МВД СССР от 1954 г. о количестве осужденных за контрреволюционные и и н ы е особо опасные государственные преступления, в том числе за б а н д и т и з м и в о е н н ы й ш п и о н а ж,

¹⁶ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67996/2022/03/16>

¹⁷ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1950. С. 37, 39, 40.

¹⁸ Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937. С. 31–32.

в 1921–1953 гг. – 40 60 306 человек. Из них к высшей мере наказания приговорены 642 980, к ссылке и высылке – 765 180»¹⁹.

Установлено, что «довольно часто на рассмотрение Коллегии ОГПУ, Особого совещания и других органов представлялись дела как на политических или особо опасных государственных преступников, так и на обычных уголовников, ограбивших заводские склады, колхозные кладовые и т.д. По этой причине они включались в статистику 1-го спецотдела как “контрреволюционеры” и по нынешним понятиям являются “жертвами политических репрессий”»²⁰.

Ср. в рассказе еще 1925 г. о выборах председателя сельсовета, где крестьяне, желающие избрать «передового, который в городе поднаторел», склоняются к кандидатуре земляка, прошедшего там два года; однако выясняется, что все это время он пребывал в известных Крестах. На вопросы: «За что же <...>? Политика или что слямзил?» – «Политика, – сказал Лешка. – Слямзил малость...»²¹.

В известной ранее детской повести 1939 г. отца юного рассказчика, героя Гражданской войны и советско-польского конфликта, «назначили директором большого текстильного магазина <...>. Много у отца в магазине было сукна, полотна, шелку и разных цветных материй <...>. Как оно там случилось, не знаю, только вскоре зажили мы хорошо и весело <...>. Отца приговорили к пяти годам, за растрату»²².

Отметим также, как легко создавался «Союз меча и орала»²³, наверняка имевший реальные прототипы в 1927 г.

Что же касается собственно политических великомучеников (то есть тех, которые неожиданно для себя обрели участь, уготованную ими многим другим), то их невинность весьма сомнительна (см., например, [Поляков²⁴, 2006, с. 60–61; Поляков²⁵, 2019, с. 214–227; и др.; Васильев, 2020, т. 1, с. 302–329]).

Следует напомнить, что относительно недавно, на заре великих реформ, также предпринимались попытки ввести в публичный речевой оборот – и общественное сознание – словесно различные, но коннотативно подобные вербальные варианты образа ‘врага’ – и тоже противопоставляемого ‘народу’. Сразу после расстрела Верховного Совета было тиражировано письмо ряда литераторов-гуманистов (в том числе Д.С. Лихачева, В.П. Астафьева и проч.), в котором неогласные с указом президента № 1400 именовались весьма пейоративно, ср.: «*фашисты* взяли за оружие <...>, добрыми... к *убийцам*? <...> *красно-коричневые оборотни* <...>, *тупые негодяи* <...>, *хладнокровные палачи* <...>, *идеологические пройдохи*». Эти персонажи противостояли якобы не только «государству

¹⁹ URL: <https://rg.ru/2017/12/19>

²⁰ Земсков В.Н. Сталин и народ. М., 2022. С. 67.

²¹ Зощенко М.М. Столичная штучка // Зощенко М.М. Собр. соч.: в 3 т. Л., 1986. Т. 1. С. 273–275.

²² Гайдар А.П. Судьба барабанщика // Избранные произведения. Л., 1963. Т. 1. С. 560–562.

²³ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Новосибирск, 1957. С. 17–325.

²⁴ Поляков Ю.М. Грибной царь. М., 2006. 368 с.

²⁵ Поляков Ю.М. Быть русским в России. М., 2019. 496 с.

и его законным руководителям», но и «народу» (конечно же, и здесь упоминались какие-то «невинные жертвы»), а потому подлежали внесудебной расправе²⁶.

По всей вероятности, некий манипулятивный образ ‘врага народа’ является константно обязательным элементом пропагандистского арсенала, необходимым для фокусирования общественного недовольства (и отвлечения тем самым населения от непопулярных мер власти, собственного тяжелого положения и проч.) на специально избранном объекте. В зависимости от обстоятельств им может оказаться любой индивидуум или группа, взгляды которых отличаются от официально установленной и/или доминирующей позиции. С точки зрения социальной инженерии такой подход к управлению настроениями масс вполне целесообразен и продуктивен, поскольку решительно исключает обнаруженных ‘чужих’ из множества ‘своих’, удовлетворенных уже тем, что сохранили этот комфортный статус. Кроме того, и у государства, и у его подданных создается стойкая иллюзия требуемой консолидации демонстративно значительной и статистически значимой части социума (каким бы он ни был в действительности). Хорошо известно, что на протяжении всей истории человечества «путем отрицания “их” формируется “наше”»²⁷.

Именно словосочетание *враг народа*, семантически и ассоциативно закрепленное за более широким понятийным полем «репрессий» как неотъемлемого атрибута советской эпохи, по настоящее время включительно выступает эффективным инструментом пропаганды²⁸ [Васильев, 2023, с. 9]. Подобно другим таким клише, оно не осмысляется адресатами, но вызывает лишь прогнозируемые эмоции, ср.: «Коли уж что-то внушило ужас народу, то мнение его по этому поводу не изменяется веками»²⁹. – «Делается все <...>, чтобы сохранить <...> ложное представление о том, что якобы весь или почти весь народ подвергался различным репрессиям»³⁰.

По-видимому, вопрос о причинах употребления кавычек при рассматриваемом словосочетании не принадлежит исключительно сфере интересов пунктуации, но очевидно касается и проблемы прозрачного выражения авторской интенции, и ее адекватного понимания читателем. Сегодня их наличие зачастую играет роль некоего камертона, задающего аудитории условную тональность восприятия высказывания адресанта. Последний, жонглируя кавычками, вовлекает и адресата в сомнительные игры разума.

Возможно, поэтому необходимость использования данного знака препинания должна жестко ограничиваться двумя вышеназванными каноническими причинами.

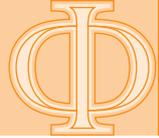
²⁶ Письмо 42-х // Известия. 1993. № 189 (24044). 5 октября.

²⁷ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. Изд. 2-е. М., 1979. С. 210.

²⁸ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2002. С. 434–437; и др.

²⁹ Макьявелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Жизнь Никколо Макьявелли. Л., 1993. С. 373.

³⁰ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 87.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 608 с.
2. Василенко А.Г. Графически выделенное слово: эволюция художественного приема (на материале творчества Ю.В. Трифонова) // Сибирский филологический журнал. №1. 2016. С. 193–199.
3. Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций. Красноярск, 2020. Т. 1. 368 с.
4. Васильев А.Д. О вербальной коррекции картины мира // Сибирский филологический форум. 2023. № 1. С. 4–13.
5. Гашева Л.П., Хакимова Е.М. Кавычки в современных русскоязычных текстах массовой коммуникации: ортологический аспект // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. № 1. С. 205–212.
6. Ильина К.А. Особенности функционирования лексики со значением «пунктуация» в публицистической сфере речевой коммуникации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 11: Журналистика. С. 137–140.
7. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999. 368 с.
8. Литовская М.А. Закавыченные слова как форма выражения детского сознания в повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» // Детские чтения. 2012. № 1 (1). С. 91–99.
9. Мелехова Л.А., Сергиевская Л.А. Пунктуация в аспекте коннотатива при изучении синтаксиса в вузе // Современное педагогическое образование. 2020. № 11. С. 253–256.
10. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. 2-е изд. М., 1979. 224 с.
11. Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М., 2003. 496 с.
12. Сковородников А.П., Королькова Э.А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 160–172.
13. Широкова Е.Н. Тенденции оформления чужой речи в масс-медийном дискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2015. Т. 14, № 6. С. 191–195.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-324-4-14

CLICHE QUOTATION MARKS AS CONVENTIONAL ASSESSMENT MARK

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The problem of the addressee's accurate understanding of the content of a statement that potentially has connotation is common to both oral and written speech. In the latter case, the perception of the intent of the addressee may be influenced by the punctuation used by him. Among them, a special place belongs to quotes. On the one hand, they traditionally frame fragments from the so-called other words (quotes, etc.), on the other hand, they are able to visually convey the author's assessment of the opinions and judgments of other communicants, whose positions are not shared. However, in some cases, these two techniques cannot be clearly distinguished: they are able to perform in unity.

The purpose of the study is to determine the semantics and connotations of such punctuation marks as quotation marks in political discourse.

The research methods are traditional: semantic-stylistic, contextual, and discursive.

Research results. The use of quotation marks is quite frequent in multi-genre texts of political topics, usually pursuing manipulative goals. Their authors (real or nominal) assert their own – or accepted as such – points of view, as a rule, by rejecting all others, and introduce into the public consciousness the information offered in the status of true information. Being intensively and widely replicated, it is accepted by the masses, usually without being comprehended.

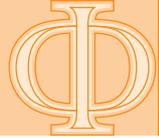
One of the clichés common in Russian political discourse is the phrase *enemy of the people*. It has semantics and connotations that are extremely advantageous for propaganda purposes, since the plume of associations it entails is inextricably linked with semi-mythical ideas about the Soviet period of Russian history only as a time of general illegal repression. At least two circumstances are interesting in connection with this: the exaggeration of the scale of punitive measures of that time and the constant mention of their innocent victims. Meanwhile, it is known, in particular, that the phrase *enemies of the people*, which appears in the 1936 Constitution of the USSR, does not mean ideological opponents of the authorities (dissenters), but extortionists of socialist property (thieves).

The quotes used by today's speakers in this phrase do not always provide an accurate and unambiguous understanding of the intended evaluability of the statement by the addressee.

Keywords: *punctuation marks, quotes, intention of an addressee, connotation, evaluability of a statement, enemy of the people, manipulative techniques, propaganda clichés, political discourse.*

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of Linguistic Terms. M., 1966. 608 p.
2. Vasilenko A.G. Graphically distinguished word: the evolution of artistic reception (based on the material of the work of Yu.V. Trifonov) // Siberian Philological Journal. 2016. No. 1. P. 193–199.
3. Vasilyev A.D. Variable expressions of universal oppositions. Krasnoyarsk, 2020. Vol. 1. 368 p.
4. Vasilyev A.D. About verbal correction of the worldview // Siberian Philological Forum. 2023. No. 1. P. 4–13.

5. Gasheva L.P., Khakimova E.M. Quotes in modern Russian-language texts of mass communication: orthological aspect // Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University. 2014. No. 1. P. 205–212.
6. Ilyina K.A. Features of the functioning of vocabulary with the meaning “punctuation” in the journalistic sphere of speech communication // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2012. Vol. 11, No. 11: Journalism. P. 137–140.
7. Kolesov V.V. “Life comes from the word...”. St. Petersburg, 1999. 368 p.
8. Lithuanian M.A. Zakavychny words as a form of expression of children's consciousness in the novel by V. Kataev “The lonely sail turns white” // Children's readings. 2012. No. 1 (1). P. 91–99.
9. Melekhova L.A., Sergievskaya L.A. Punctuation in the connotative aspect when studying syntax at a university // Modern pedagogical education. 2020. No. 11. P. 253–256.
10. Porshnev B.F. Social psychology and history. 2nd ed. M., 1979. 224 p.
11. Rastorguev S.P. Philosophy of information warfare. M., 2003. 496 p.
12. Skovorodnikov A.P., Korolkova E.A. Speech tactics and linguistic means of political information and psychological warfare in Russia: ethical and pragmatic aspect (based on the material of Novaya Gazeta) // Political linguistics. 2015. No. 3. P. 160–172.
13. Shirokova E.N. Trends in the design of someone else's speech in mass media discourse // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History. Philology. 2015. Vol. 14, No. 6. P. 191–195.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail: vasileva@kspu.ru